

## Илья Муромец и Издолищо

Шла калика перехожая  
Из города из Киева.  
Настрету ей, калике,  
Старой козак Илья Муромец.  
«Здравствуй, добрый молодец!» —  
«Здравствуй, калика перехожая,  
Откуль идёшь, откуль путь держишь?»  
Говорит ему калика перехожая:  
«Я иду из города из Киева,  
От того от князя от Владимира». —  
«Всё ли у вас в городе по-старому,  
Всё ли у вас в городе по-прежнему?»  
Отвечат калика перехожая:  
«У нас в городе не по-старому,  
У нас в городе не по-прежнему:  
Завезалось Издолищо поганое  
Ко тому ко князю ко Владимиру во гриню во столовую.  
Сидит он меж князём да меж кнегиною,  
У кнегине держит руки да в пазухе,  
Пониже пупа около цёрева,  
А князь не смел ему слова вымолвить».  
Говорит тогда старой козак Илья Муромец:  
«Ох ты ой еси, калика перехожая,  
Сменяемся мы с тобой платьем цветным».  
*(У калики како уже платье!)*  
Говорит калика перехожая:  
«У меня платье каличие,  
У тебя платье молодецкое,  
Не меняю я с тобой».  
Просит его козак во второй након.  
На это калика опять не соглашаетця.  
Стал просить его в третьей након.  
Тут калика соглашалася.  
И поменяли они платье, которо можно было.  
Поехал старой в стольне Киев-град,

Не доеждает до города — слезавал с добра́ коня,  
Спустил коня в чисто поле,  
Сам пошел в стольне Киев-град.  
По первости зашёл на царев кабак:  
«Здравствуйте, чумаки-целовальники,  
Опохмельте мя, калику, с пути-дорожецки!»  
Говорят чумаки-целовальники:  
«По разговору стоишь оправить тебя,  
По платью не стоишь ни одного гроша».  
Были тут голи кабацкие.  
«Ох вы ой еси, голи кабацкие!  
Уж вы сложьтесь по гривенке, —  
Опохмельте калику с пути-дорожецки!»  
На это были голи ухватливы да и догадливы,  
Сложились они все по гривенке,  
Купили зеленá вина́,  
Чару в полтора́ ведра́,  
Подали калике перехожей.  
Брал он чару единóй рукой,  
Выпил он чару к единú духу,  
Звеселило то́гда его ретивó сердцё,  
Скиневал с себя чунный крест,  
Который стоит ему петьсот рублей,  
И говорит он голям кабацким:  
«Ох вы ой еси, голи кабацкие!  
Вы снесите мой крест,  
Заложьте в лавку торговую,  
Заложьте его в двухстах рублях».  
На то голи были ухватчивы,  
Потащили его крест в лавку торговую  
И заложили его в двухстах рублях,  
И притащили денежки и отдали калики перехожаей.  
Пил он вина по надобью и голéй поил,  
Напилса он дóпьяна,  
И зашел на печку на муравленку,  
И спал-храпел богатырским сном  
Целы трое суток.  
Стали его будить чумаки-целовальники,  
Ото сну он то́гда пробуждаетця,

Соскакивал он на кирпичен пол,  
Схватил чумака за черны́ кудри́,  
При́знял он его выше буйной головы,  
Спустил он его на кирпичат пол —  
Тут чумаку смерть случилася.  
«'Ну беду сделал, надо другу сделать —  
Не буду я в городе виноватый».  
Выходил он скоро вон на уличю,  
Стоптал и сломал двери подвальных,  
Стал выкатывать бочки сороковочки с зелены́м вином  
На площадь на кабацькую.  
Сказал голям кабацкиим:  
«Пейте, голи, вина, сколько надобно, —  
Не буду я в городе виноватый».  
Побежали чумаки-человальники  
Ко князю с желобью.  
Говорят чумаки-целовальники:  
«Ох ты ой еси, Владимир-князь!  
Пришла к нам калика перехожая,  
Пила она сколько надобно,  
Убила чумака-человальника,  
Выкатила бочки сороковочки  
На площадь на кабацкую  
И поила голи кабацкие».  
А князь им слова не вымолвил.  
Узнал князь: эта калика — не худа блоха.  
Скричал он своих слуг верных:  
«Запрегайте вы тройку лошадей  
На царев кабак,  
Зовите вы калику перехожую  
Хлеба-соли кушать и переваров пить!»  
На то слуги были догадливы,  
Запрегли они лошадей и поехали на царев кабак,  
Зовут они калику перехожую  
Ко князю ко Владимиру.  
Отвечает калика перехожая:  
«Мне не надо ваших лошадей, да я пешком иду».  
И приходит он ко князю ко Владимиру.  
Заходит он во гриню во столовую,

Молитця он, на все стороны поклоняетце,  
А князю со кнегиней во особицу,  
А поганому Издолишшу челом не бьёт, головы не гнёт.  
Попоносят ему на стол лебёдушку не кушанную, не рушенную,  
На нож ее воткнул и в гортань пихнул,  
С щоки на щоку лебёдку переваливал,  
Нижней щокой косьё вываливал.  
Говорит тогда калика переходящая:  
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?  
У попа была у отца собака, у Ростовского,  
По сметьям она, собака, таскалася да костью подавилася».  
Понесли ему коврижечку хлеба тоже не кушану и не рушану,  
С щоки на щоку коврижечку переваливал,  
Нижней щокой корки вываливал.  
Говорит тогда калика таково слово:  
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?  
У попа у отца у Ростовского была коровища,  
По сметьям шаталася да шалом подавилася».  
Издолище сидит поглядывает да осержаетця.  
Принесли ему, Издолищу, ушат воды,  
Выпивал он этот ушат воды,  
Говорит тогда калика таково слово:  
«Помнишь ли, князь, помятуешь ли?  
У отца у попа у Ростовского  
Была кобыла водовозная,  
Много она пила воды и захлебнулася,  
То же будет и этому Издолищу».  
Схватил он булатный нож, Издолище поганое,  
Бросил в калику переходящую булатным ножом самым остриём,  
На полёте нож калика подхватывал за самый черешок,  
Говорить стал калика князю таково слово:  
«Можно ли, князь, гриню твою кровавити?»  
И положил нож в пухов колпак,  
И свернул пухов колпак на три угла,  
Бросил он в Издолище поганое,  
И попал он в Издолище поганое —  
И повалился Издолище на улицу со всем с простенком.  
Выскакивал он на улицу, калика переходящая,  
Онну ногу оторвал Издолищу и бросил воронам на съедение.

*(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.